

Глава первая

Так.

С неба падают птицы.

Я, конечно, не эксперт, но точно знаю, что падать с неба птицам не полагается.

Я серьёзно. Все же согласны, что это безумие?

Кстати, о безумии. Меня зовут Лорен... и я мальчик.

Неожиданный поворот, да? Папа говорит, у меня дар менять тему. Между прочим, это он решил называть меня Лореном, так что его комплиментом я рад, но не от всей души.

По правде говоря, меня назвали в честь дедушки, он умер за неделю до моего рождения. Дедушка был отставным «морским котиком» ростом метр восемьдесят, то есть достаточно крутым, чтобы носить имя Лорен.

В отличие от меня.

Во-первых, я мелкий. Из всех моих знакомых одиннадцатилеток я ниже всех. Я ношу очки. И читаю комиксы. Ко всему прочему прибавьте, что однажды на физкультуре Дэвид Стадлер случайно вырубил меня волейбольным мячом, и картина будет полная.

Просто поверьте: имя Лорен — отстой. Пусть все и зовут меня Рен.

Я думал об этом много лет и пришёл к выводу, что дедушка бы со мной согласился. Если бы под

конец жизни он мог говорить, то, наверно, сел бы в кровати и изрёк что-то вроде: «Не называй своего ребёнка Лореном, сынок. Это глупая затея».

Что-то я отвлёкся. Суть в том, что птицы падают с неба.

Погодите.

Птицы падали с неба. Клянусь, секунду назад так и было.

А сейчас они просто... там. Носятся над соседской опушкой, летают кругами туда-сюда, в общем, ведут себя как нормальные птицы.

Ну и ну.

Может, мне всё померещилось.

Может, после всех лет, что мне приходилось откликаться на имя Лорен, у меня всё-таки поехала крыша.

Может, это подъёмы в шесть утра на летних каникулах довели меня до ручки.

А может... Так, погодите! Они снова падают!

Я встаю с наблюдательного пункта в траве, отклеивая от спины потную футболку с надписью «Свободу Бананамену».

«Бананамен» — это мой любимый комикс. В восьмидесятые он был популярен в Англии, но здесь, в Штатах, о нём почему-то никто не знает.

Он дурацкий, но всё равно забавный. Там про парня по имени Эрик Вимп, он примерно моего возраста, и когда он съедает банан, то превращается в супергероя. Бананамен сильный, как двадцать мужиков (двадцать здоровенных мужиков),

и сражается с суперзлодеями вроде Доктора Глума и Женщины-Скунса, которые, в отличие от настоящих, не страшные, а скорее смешные. А ещё на Северном полюсе у него есть крепость в форме огромного банана.

Говорю же, дурацкий комикс.

Я сажаю очки повыше на нос, чтобы получше разглядеть птиц. Линзы я не ношу: меня тошнит от одной мысли, что придётся трогать глазные яблоки.

Оказывается, я ошибся: птицы не падают с неба. Они вроде как... крутят сальто.

Будто кто-то шлёт им тайные послания и приказывает остановиться, на миг замереть в воздухе, а затем броситься навстречу земле, будто они маленькие пернатые гимнасты.

Когда птицы-самоубийцы оказываются у самой опушки, я сжимаюсь от страха. Но за секунду до столкновения с землёй эти ребята взмывают ввысь как ни в чём не бывало.

Очень странно.

Но что *самое странное*: они делают это снова.

И снова.

И снова.

Я начинаю беспокоиться, что птицы серьёзно больны (новым жутким суперзаразным птичьим гриппом, например), как вдруг входная дверь, протяжно скрипя, чиркает о крыльцо.

Папа обещает починить дверь с тех пор, как мы сюда переехали.

Странновато жить в бабулином старом доме. Он будто не совсем наш. В ваннх комнатах всё ещё пахнет её ароматическими смесями, бабулин зонтик стоит на своей полке в прихожей, а дедушкина медаль «За выдающуюся службу» так и висит на стене.

В нашем прежнем доме, в городе, дверь не скрипела. В ваннх пахло дезинфицирующим средством, а зонтиков вообще не водилось.

До Вествилла отсюда всего тринадцать километров, но иногда кажется, что целый миллион.

Я поворачиваюсь к двери и вижу папу. У него своя инженерно-строительная фирма, так что на работу он обычно ходит в рубашке, но сегодня у него встреча с важным клиентом из Фэрмонта.

Непривычно видеть папу в костюме.

— Здравóво, дружище. Как пробежка?

Утомительно. Скучно. Больно.

— Отлично, — вру я. — Взгляни-ка на птиц.

Папа прислоняется к дверному косяку:

— Ты следил за техникой приземления?

Знаете, как сложно концентрироваться на технике приземления во время бега? Это всё равно что гладить себя по животу и похлопывать по затылку одновременно. Только ещё потеешь.

— Смотри, — я снова пытаюсь его отвлечь, — там птицы странно себя ведут.

Папа выходит на крыльцо, придерживая дверь ногой сорок шестого размера. У папы всё большое, в этом я не в него. Он ставит ладонь козырьком, прикрывая глаза от солнца.

— Какие птицы?

— Вон там.

Я указываю на другую сторону поля, которое идёт под уклон от нашего двора до самой соседской опушки. Если добираться по дороге, их дом примерно в полутора километрах от нас. А если срезать через поле, по диагонали, то ещё ближе.

Но «вон там» ничего нет.

То есть деревья, конечно, есть. Небо, парочка облаков, солнце — это всё на месте. Дом наших соседей не поглотила чёрная дыра, не подумайте.

А вот птицы исчезли.

— Но они там были, — говорю я, уставившись на клочок пустого неба.

Птицы же не могли просто раствориться в воздухе, так?

— Улетели, наверно. — Папа возвращает меня в реальный мир. — Идём домой. Нам с мамой скоро на работу.

Я вздрагиваю, когда он захлопывает за собой дверь, явно не обращая внимания на скрип.

Может, папа и прав. Может, птицы улетели. Но это не объясняет, куда они подевались. Или что они делали, пока не исчезли.

Я остаюсь ещё на минуту в надежде, что они вернутся.

— Рен! — доносится из-за двери папин голос. — Ты куда пропал, дружище?

Я неохотно встаю на ноги. Бросаю на небо последний взгляд и иду домой.

Глава вторая

Захотите как следует испугаться — погуглите как-нибудь «птицы падают с неба».

Результаты довольно жуткие.

По крайней мере, страх случайно отравиться пестицидами (а это одна из причин, по которой птицы могут падать) хоть как-то отвлекает меня во время пробежки следующим утром. Обычно я считаю телеграфные столбы и пытаюсь не думать о мошкаре, залетающей в нос.

К тому времени, как я поворачиваю в сторону дома, скуку не скрашивают даже мысли о дрейфующем облаке пестицидов. Мы же всё-таки на юге Миннесоты. Если соевые поля приводят вас в восторг, значит, вам повезло. А если нет... Скажем так, я в последнее время себя везучим не считаю.

Знаю, вся эта затея под названием «попасть в команду по кроссу» с самого начала принадлежала мне, но, видимо, я думал, что бегать — это как-то более... весело. Искренне не понимаю, почему папе так это нравится.

Я с трудом поднимаюсь на холм и дышу всё чаще и надрывнее. В боку уже начинает колоть. Я сгибаюсь в три погибели, сжимаю кулак и вдавливаю его в живот, чтобы унять спазм.

На вид я, наверно, вылитый Квазимодо, которого прохватил понос. В кои-то веки я рад, что мы переехали в такую дыру.

Я наконец спускаюсь с холма к перекрёстку и сворачиваю на нашу улицу. Я почти у цели, но вдруг улавливаю краем глаза какое-то движение. Всматриваюсь в поле и вижу примерно дюжину птиц сразу. Они снова порхают над соседским домом.

Я резко останавливаюсь.

Втягивая носом воздух (вместе с мошкаррой), я смотрю на птиц в ожидании, что они снова начнут крутить сальто.

Медленно проходит минута.

У меня болит бок. Пот ручьём стекает по шее. Комары слетаются на меня, будто я их личный шведский стол.

Птицы так и летают кругами.

Я уже готов сдаться, как вдруг вот оно: голуби заваливаются на спину и делают сальто вниз, пикируя на деревья.

Я не позволю им снова исчезнуть.

Не раздумывая ни минуты, я ныряю в высокую траву на обочине дороги. То спотыкаясь, то бегом я добираюсь до кювета и перебираюсь на другую сторону. Иду к соседскому дому через поле, увязая ногами в земле.

Когда я оказываюсь у опушки, то снова еле дышу, а мои беговые кроссовки замызганы.

Деревья тут растут не так густо, как кажется издали. Между ветками проглядывают пятна голубого неба. Земля хрустит от опавших сосновых шишек.

Пахнет почему-то рождественским ужином. С ноткой удобрений.

Я вглядываюсь в деревья, рассматривая дом соседей. Мы с ними ещё не знакомы. Что, если они из тех, кто держит собак? Или оружие? Или и то и другое?

Белый коттедж с черепичной крышей напоминает наш дом, только у соседского местами облупилась краска, да и газон не мешало бы подстричь. На подъездной дорожке припаркован красный универсал с кучей выцветших наклеек на бампере.

Я прищуриваюсь, пытаюсь их разглядеть. Наклейки на бампере многое говорят о человеке. К счастью, выбор соседей не внушает опасений. На одной написано «Борись за мир», что, по-моему, хороший знак: меня не пристрелят за вторжение на их территорию.

Ну, будем надеяться.

В поле за домом торчат стебли скошенных сорняков. Посередине стоит маленький домик размером как раз с бабулин садовый сарай. По правде, он и выглядит как бабулин сарай, вот только на крыше у него проволочная клетка.

Присмотревшись, я понимаю, что там, внутри, птицы. Судя по всему, всего парочка.

Из сарая выходит девчонка примерно моего возраста, и я мигом прячусь за ближайшим деревом. В ушах у меня шумит кровь. В венах бурлит адреналин.

Наверно, так себя обычно и чувствуют супергерои.

Я заставляю себя досчитать до двадцати. Затем смещаюсь вбок и украдкой выглядываю из-за дерева.

Вряд ли супергерои что-то делают украдкой. Я думаю, они и слова-то такого не знают.

С другой стороны, они ненастоящие, так что и словарный запас у них ограниченный.

— Что ты там делаешь?

Я замираю, обнимая дерево так, будто у меня к нему романтические чувства.

«Дендрофилия, — подсказывает мне частичка мозга. — Любовный интерес к деревьям».

Девчонка стоит всего в нескольких метрах и смотрит прямо на меня.

У неё рыжие волосы. Очень, очень рыжие. Естественно рыжие. Кое-где проглядывают ярко-жёлтые и оранжевые пряди.

Будучи довольно умным для своего возраста, я делаю вывод, что волосы у неё крашенные.

В жизни не видел сверстников с крашеной шевелюрой.

Выглядит круто. Будто на её чёрную футболку по плечам стекает лава. Волосы словно извергаются из её головы.

Мы стоим, уставившись друг на друга. Она худая, почти как я, с острым подбородком и тёмно-синими глазами. Джинсовые шорты покрыты чёрными каракулями. Судя по всему, маркером

постаралась. Все слова вверх тормашками. Может, ей стало скучно, а кроме шорт порисовать было не на чем.

Нацарапай я маркером на шортах хоть слово, мама бы меня убила.

Девчонка бросает взгляд мне за спину. Я оборачиваюсь. Когда птицы пикируют вниз в очередном кульбите, она поднимает руку, в которой зажат какой-то предмет — вроде рулетки, но меньше. Она часто-часто им щёлкает.

Я вдруг замечаю её покрашенные чёрным лаком ногти. Лак слегка облупился.

Я остро чувствую, насколько она круче меня.

— Заблудился?

У неё неожиданно хриплый голос. С таким звуком, наверное, расстёгивается липучка, если вы понимаете, о чём я.

Я силком отклеиваю себя от дерева и вытираю ладони о шорты.

— Я... бегал.

Она смотрит и явно ждёт, что я что-то добавлю.

— Я увидел птиц и... — Я замолкаю, не зная, что ещё сказать.

— Ты живёшь рядом? — спрашивает девочка, продолжая щёлкать.

— Мы недавно переехали. — Я указываю на холм, где стоит бабулин дом. Хотя теперь это, пожалуй, наш дом. — Из города. Так что я местный.

— А я вот нет, — просто отвечает она и наклоняется почесать комариный укус на ноге. —

Мы переехали месяц назад. Из Вашингтона. Кстати, я Саттон. Саттон Дэвис.

Саттон. Саттон Дэвис.

— Лорен. — Я сжимаюсь, заранее зная, что сейчас будет. — Лорен Холл.

Я уже готов услышать смех. Но она просто переспрашивает:

— Лорен?

Я киваю.

— Не думал представляться вторым именем?

Как будто это не приходило мне в голову.

— У меня нет второго имени.

Она пожимает плечами:

— Ты не много потерял. Моё вот — Присцилла.

Присцилла. Саттон Присцилла Дэвис.

Ну не знаю. Вообще-то звучит неплохо.

— Все зовут меня Рен, — говорю я.

Птицы над нами снова крутят сальто назад. Саттон поднимает руку, щёлкая своим приборчиком.

— Почему они так делают? — спрашиваю я.

Саттон не сводит глаз с птиц.

— Это бирмингемские роллеры. Для них это в порядке вещей.

Секунду.

— Голуби? Это что, твои домашние животные?

— Они не домашние животные. — Саттон смотрит на меня вздёрнув подбородок. — Я их тренирую. Они станут чемпионами.

Глава третья

Есть немалая вероятность, что я говорю с сумасшедшей.

Разве голубей можно тренировать? Они же дикие птицы, так? Это всё равно что тренировать белок. Только сложнее, потому что голубь может запросто улететь. Хотя, кажется, бывают и летающие белки. Но вряд ли они на самом деле умеют летать. Или умеют?

— А зачем ты их тренируешь? — спрашиваю я.

Мой голос звучит странно. Точно таким же тоном мама разговаривала с бабулей, когда та незадолго до смерти переехала в дом престарелых в Санни-Пайнс и думала, что медсёстры воруют её носки.

Саттон снова поднимает руку, быстро щёлкая своей штуковиной, и птицы камнем падают вниз.

— Вот за этим. — Она показывает вверх.

— Ты учишь их кувыркаться?

— Это называется «играть». И они уже научились.

Саттон откидывает волосы с лица. Они сияют даже в тени. Как будто её голова не обычный вулкан, а радиоактивный.

— Если они уже научились, зачем тогда их тренировать?

— Вся стая должна кувыркаться синхронно. Нужно, чтобы они играли как можно дольше и... — Она замолкает. — Всё очень сложно.

— А, ладно. — Мне жаль, что она не договорила.

— В каком ты классе? — спрашивает Саттон.

Технически ни в каком, раз уж до конца каникул ещё четыре недели. Но мама говорит, что придирается к таким мелочам — значит «быть несносным безо всякой на то причины» и что «друзей от этого больше не станет».

У мамы в запасе полно мудрых мыслей.

— Я перешёл в шестой, — говорю я. — Мне одиннадцать.

Саттон кивает:

— Мне тоже. Кто у тебя будет классным руководителем?

— Мистер Вайнхолт.

— А у меня миссис Томпсон. Знаешь про неё что-нибудь?

— Кажется, она состоит в ФОО вместе с моей мамой. Но я с ней толком не знаком. На вид ничего, улыбчивая.

Саттон наклоняет голову. Влево, если быть точным.

— Что такое ФОО?

— Это такой клуб. Не знаю, чем они там занимаются.

— А что значит ФОО?

— Тоже не знаю, — честно говорю я. — Это тайна. Даже на их официальном сайте не написано.

Похоже, Саттон впечатлилась.

— Твоя мама состоит в тайном клубе?

— Он не прямо *тайный*, — отвечаю я. — Это же не масонская ложа.

Интересно, женщина вообще может стать масоном? Я мысленно ставлю галочку, чтобы не забыть потом про это почитать. И про летающих белок тоже.

— Они устраивают обеды, приглашают лекторов и всё такое, — говорю я. — А ещё, кажется, выдают стипендии на учёбу в колледже.

Саттон переваривает услышанное.

— А... Звучит скучновато.

У меня внутри будто что-то сжимается. Даже если мамин клуб кажется скучным, это не значит, что можно заявлять об этом вслух. Я и то понимаю, что это грубо.

К моему изумлению, я выпаливаю:

— А тебя туда никто и не звал.

Ой-ой.

Я вдруг вспоминаю, что Саттон минимум на пять сантиметров выше меня. Большинство моих сверстников минимум на пять сантиметров выше меня. Особенно девчонки. А у Саттон к тому же такой вид, будто ей постоять за себя в драке — раз плюнуть. Может, это из-за её волос. Они такие... свирепые, понимаете?

На мое счастье, она, кажется, не сердится.

— А. — Саттон снова смотрит вверх и щёлкает своим приборчиком, как только голуби начинают играть. Я вздрагиваю, когда один из них чуть не касается земли.

— А бывает, что они... — я подыскиваю нужное слово, — шлёпаются?

Она смотрит на меня в упор.

Похоже, я ляпнул глупость.

— Долго они могут так играть? — спрашиваю я, пытаюсь реабилитироваться.

Саттон опускает взгляд на часы. Большие, на широком коричневом ремешке. Ясно, что им много лет.

Никогда не видел, чтобы кто-то моего возраста носил часы.

— Вот-вот должны приземлиться, — говорит она. — По-разному бывает. Иногда...

— Саттон, детка! Ты там? — доносится женский голос. Наверно, мама Саттон.

Саттон прерывается на полуслове и оглядывается на дом.

— Мне пора, — говорю я.

Совсем забыл, что сейчас мне вообще-то полагается бегать. Папа наверняка уже прикидывает, за сколько я уложился.

— Ладно. — Саттон пожимает плечами. — Увидимся.

— Пока. — Я бросаю последний взгляд на голубей и ухожу.

Глава четвёртая

Входная дверь, как обычно, скрипит, так что все, даже не видя меня, знают, что я дома.

— Доброе утро, милый, — доносится из кухни мамин голос. Я захожу, и она отрывает взгляд от телефона, указывая на упаковку замороженных вафель позади себя. — Вон твой завтрак.

Вид у мамы усталый.

Когда она вернулась домой, я уже спал. Мама — единственный ветеринар в Вествилле, а значит, её могут вызвать в любой момент. Даже посреди ночи. Или посреди первого (и единственного) театрального представления её сына.

По правде говоря, я играл дерево. И было это в первом классе.

И всё-таки иногда нелишне об этом упомянуть.

— Здорóво, дружище. Отметил дистанцию? — Папа влетает в кухню, чтобы налить себе огромный термос кофе.

Термос теряется в его ручищах. Я серьёзно, у него настолько большие ладони, что в одной уместится баскетбольный мяч. С ума сойти.

Мой график бега приклеен к дверце морозилки. Я беру со столешницы ручку и плетусь к листку миллиметровки. Этот график папа придумал уже давно, в те времена, когда тренировал команду по кроссу. Пять километров — это прямая линия.

Больше пяти — линия ползёт вверх. А если меньше — идёт вниз.

Несмотря на все мои усилия, в настоящий момент моя диаграмма на семь клеточек ниже отправной точки.

Пока я рисую прямую линию, папа говорит:

— Если хочешь, могу побегать с тобой по вечерам. Помогу тебе улучшить показатели.

Я киваю, делая вид, что обдумываю услышанное:

— Да, можно.

Я вижу, что папа разочарован моими результатами.

Я и сам разочарован.

Не понимаю, что случилось. Я провёл целое исследование. Подписался на журнал для бегунов. Посмотрел десятки обучающих видео в Сети. Понял, как держать кулаки разжатыми: так, будто взял картофельную чипсину и боишься её раздавить. Научился сгибать руки под углом в девяносто градусов. Поиску бренда кроссовок с самым удобным мысом я посвятил два дня.

Я был готов ко всему.

Кроме собственно... бега.

Честно говоря, идея попасть осенью в команду по кроссу уже не кажется мне такой удачной. Папе я об этом говорить, конечно, не собираюсь: он жутко расстроится. С тех пор как я упомянул, что неплохо бы попробовать в команду, он то и дело повторяет, что «яблоко от яблони недалеко падает» и что я — «сын своего отца».

По-моему, он просто рад, что нам наконец есть о чём поговорить за ужином.

Я откладываю ручку.

— Не отвезёшь меня сегодня в «Трое мужчин»? Пришёл новый выпуск «Адской пятёрки». Точнее, старый. 1968 года.

«Адская пятёрка» — ещё один мой любимый комикс, он о пяти супергероях с довольно бессмысленными способностями. Блимп, например, умеет летать, но только очень-очень медленно, Кряквэмэн может жить под водой, а на земле ему приходится поливать себя из лейки.

Если что, «Трое мужчин и комикс» — это классный магазин комиксов в Рочестере, в двадцати минутах от нас. Мы с моим лучшим другом Эйданом постоянно туда ходим. Для владельца магазина, Майка, мы давно свои.

— Погоди-ка, «Адская пятёрка»? — спрашивает папа. — Это там, где Баннигёрл?

— Тупица Банни, — поправляю я. Также известная как Афина Тремор, дочь принцессы Пауэр.

Папа хлопает себя по ноге.

— Тупица Банни, точно. «Сильна, как бык, и почти так же умна», — победно заявляет он.

— Точно, — подначиваю я его.

Он с вызовом поднимает брови:

— Ну-ка, а как зовут её сестру?

— Сводную сестру, — отвечаю я. — Её зовут Энджел. Энджел Беатрикс О’Дэй. Так ты отвезёшь меня в магазин?

Папа выпускает притворный тяжкий вздох, ведь этот последний раунд комикс-викторины он проиграл, и качает головой:

— Не могу, дружище. Весь день буду на стройке в Фэрмонте. Торговый центр, я тебе про него говорил. Извини.

— За что извиняемся? — спрашивает мама, не отрываясь от сообщений в телефоне.

— Рен хочет поехать в мультяшный магазин после обеда.

— Магазин комиксов.

— Что?

Я возвращаю ручку на столешницу. Мне уже ясно, чем всё это кончится.

— Это не мультяшный магазин, а магазин комиксов.

Он бы и сам это знал, если бы читал их, а не выискивал о них факты в интернете.

Кстати, не вижу ничего плохого в том, чтобы искать факты в интернете. По-моему, интернет — это единственное великое достижение человечества.

Сюда же относятся: огонь, колесо и замороженная мини-пицца.

Папа смотрит на маму и шутливо закатывает глаза.

— Комиксы, — беззвучно произносит он.

Мама сжимает губы.

— Прости, милый. У меня операции с одиннадцати тридцати. Отвезти тебя сейчас?

— Они открываются в девять.

— Поедем завтра, — вклинивается папа. — В любое время. И потом, ты и так пятьдесят лет ждал, чтобы его прочитать, отложим на день, не страшно.

Я понимаю, папа очень занят, но иногда мне кажется, что он вечно всё откладывает. Как тогда, весной, когда он пообещал свозить меня в научный музей на выставку «Космическое путешествие». Но пока он выкроил выходной, она уже кончилась. Та же история с летней ярмаркой Возрождения.

А я уже грезил об огромных индюшачьих ножках.

— Ладно, спасибо, — говорю я и тянусь в холодильник за газировкой.

— Эй, ты что это делаешь? — Мама вопросительно поднимает брови. — Сам знаешь: до трёх часов никакой газировки.

Я сильнее, чем нужно, грохаю «Доктором Пеппером» о полку холодильника.

Спиной чую, как мама и папа молча переглядываются. Они всегда ведут такой молчаливый диалог, когда пытаются решить, кто заговорит первым.

На этот раз очередь папы.

— Ты уж прости, что мы вечно заняты, дружище. Лето кончится — и времени станет побольше.

— Кстати, завтра же вторник, — добавляет мама. — Эйдан придёт помогать с подвалом? Всё в силе?

Живи мы до сих пор в городе, мне бы не пришлось планировать визит лучшего друга. Дом Эйдана был в пяти минутах от нас. При желании

мы могли видеться каждый день. По правде, мы именно каждый день и виделись.

— Господи, уже так поздно? — Мама отодвигает стул. — У меня эндоскопия через пятнадцать минут!

— Мне тоже пора, — подхватывает папа.

Пока мама забрасывает вещи в сумку, он придерживает для неё дверь, ту же закручивая крышку на термосе.

— Хорошего дня, — машет мама. — Не забивай голову всякой чепухой!

Я жду, пока затихнет хруст гравия от их отъезжающих машин. Достаю из холодильника «Доктор Пеппер» и выглядываю в окно.

В небе над домом Саттон пусто.

Глава пятая

— Йоу.

Я пялюсь на покатый потолок, сдерживая зе-
воту. Когда Эйдан позвонил, я спал, и край моей
подушки теперь весь сырой. По какой-то причи-
не слюни во сне я пускаю только днём, а вот но-
чью — никогда.

— Ты в курсе, что никто не говорит «йоу» с пят-
надцатого века? — говорю я Эйдану. — Я серьёз-
но. А тогда, наверно, только и слышно было: «Йоу,
Шекспир, как сам?»

В комнате ужасно жарко. Мама с папой кля-
нутся, что установят мне кондиционер, но пока
что моё единственное спасение от теплового уда-
ра — это оконный вентилятор. Я держу телефон
подальше от уха и тереблю ворот футболки, раз-
гоняя воздух.

Как бы невзначай заглядываю под неё.

Волос на груди так и нет.

— Так ты придёшь завтра? — спрашиваю я.

Родители платят нам с Эйданом пять баксов
в час за то, что мы разбираем бабулины и деду-
лины коробки в подвале. Пока что самой волную-
щей находкой была дохлая мышь.

По-моему, нам полагается прибавка.

— Ага, — отвечает Эйдан. — Слушай, ты ведь об-
щался с Куртом?

С Куртом.

Общался ли я с Куртом?

А я *хоть раз* с ним общался?

— Ты про Курта Ричардсона? — для верности уточняю я.

— А ты знаешь другого Курта? — В голосе Эйдана слышится нетерпение.

— Ну... — теряюсь я. — Дай-ка подумать.

— Да, я про него, — говорит Эйдан.

Я качаю головой, хоть он меня и не видит.

— С чего мне с ним общаться?

Курт Ричардсон очень крутой. Знаю, глупо так говорить, но это правда. Он прыгает в воду с трамплина. Играет в баскетбол. Пьёт иностранную газировку, которую его мама специально заказывает на «Амазоне». Я отстаю по всем пунктам.

— Он устраивает вечеринку в последние выходные августа. — Эйдан говорит так, будто для него обсуждать внеклассную деятельность Курта — самое обычное дело. — Типа последняя гулянка перед учебным годом. Его родители поставят на заднем дворе бассейн.

Я подношу телефон поближе, прижимая его к уху.

— Так вы что, тусовались вместе?

Так и вижу, как Эйдан пожимает плечами на другом конце провода. Сидит, небось, в отцовском кресле и раскачивается туда-сюда, пока болтает со мной.

— Да, немного. В бассейне.

Значит, Эйдан и Курт Ричардсон тусовались. В бассейне. По телу разливается странное ощущение. Я сажусь, свешивая ноги с кровати.

— В обычном бассейне? Или в том, что у него на заднем дворе?

— Что? В смысле? Это так важно?

Да. Нет. Не знаю.

— Ладно, забей. — Я меняю тему. — Нет, я в жизни с ним не общался. Да и где бы он взял мой номер?

— Чувак, купи уже мобильник. Тебе даже сообщение не написать, это полный отстой.

Как будто это не приходило мне в голову. Но мама с папой одержимы безумной теорией, что, пока мне не исполнится четырнадцать, иметь мобильник мне нельзя.

— Значит, у Курта вечеринка? А меня пригласили?

Наносекунда молчания — и Эйдан отвечает:

— Да, конечно. Он сказал, можно приводить кого хочешь, без проблем.

Я перевариваю услышанное.

— «Приводить кого хочешь»? Значит, лично меня он не звал? Я что, твой «плюс один»?

— Ладно тебе, это же не свадьба. Не парься. Не парься.

Эйдан никогда раньше не говорил мне «не парься».

Я киваю, хоть он меня и не видит.

— Ладно, звучит... весело.

Звучит вообще не весело. Надеюсь, мне не придётся взаправду лезть в бассейн. Я до сих пор зажимаю нос, когда ныряю.

— Мне пора, — говорит Эйдан. — В туалет надо, пойду я.

— Я — последняя буква алфавита, — на автомате отвечаю я. Мы так с самого детства говорим. Ну, потому что Я идёт после Э и Ю.

Возможно, это не очень-то смешно.

Я слышу на том конце провода фыркание. Для того, кому едва исполнилось двенадцать, у Эйдана неожиданно низкий смех. Когда Эйдан был низкорослым, как я, да ещё имел девять кило лишнего веса, это было забавно. Моя мама называла его Неваляшкой.

Так было до тех пор, пока прошлой весной он вдруг резко не вытянулся. Вырос на десять сантиметров за три месяца. Теперь мама говорит, что он выглядит внушительно.

Внушительно, как скала.

Или «Шевроле».

Или тот, кто тусуется с Куртом Ричардсоном.

Молчание Эйдана эхом отдаётся в моей спальне.

— Понял, да? — переспрашиваю я. — Э, Ю, Я.

— Ну да, — рассеянно отвечает Эйдан. — Э, Ю, Я.

Я смотрю на паркет, цепляясь взглядом за трещинки в досках. У меня почему-то скребёт в горле, будто там что-то застряло. Наверно, кусок чипсов. Я перекусывал ими в обед.

— Ну пока, ещё созвонимся.

Я сглатываю, но ком в горле никуда не девается.
— Пока.

Ладно, Эйдан тусовался с Куртом, говорю я про себя. Ну и что с того? Я пропал с радаров на всё лето, а Эйдану надо было хоть с кем-то общаться. Вот-вот начнётся учёба. И всё снова будет как раньше.

Не стоит даже забивать этим голову.

Я ставлю телефон обратно на тумбочку и выглядываю в окно. Крышу дома Саттон отсюда почти не видно.

Беру ноутбук. Как-как называются её голуби? Какие-то там роллеры?

Набираю в поиске «кувыркающиеся голуби». Первый же результат — статья в Википедии, озаглавленная «Бирмингемские роллеры».

Есть.

Я щёлкаю по ссылке.

В правом верхнем углу экрана появляется картинка с голубем. Низенький толстяк с короткими ножками и крошечными, идеально круглыми глазами. Спина и крылья преимущественно серого цвета, а хвост белый, с чёрными полосками. Но больше всего меня поражает его шея. Пятна фиолетового, бирюзового и серебряного пестрят на свету и дождём стекают с макушки до самой спинки.

Честно говоря, выглядит здорово.

Я отрываюсь от картинки и принимаюсь читать. Родина бирмингемских роллеров — английский

Бирмингем. Чтобы обучить их кувыркаться назад, люди много лет скрещивали особей, которые проделывали этот трюк синхронно. Бывают ещё и салонные роллеры, но они крутят сальто на земле.

Я загружаю видео, в котором голубь перекачивается по газону, заваливаясь на спину при каждом шаге. Он похож на пьяный пернатый шар для боулинга.

Просто класс.

Как пишут дальше, никто точно не знает, почему голуби вообще начали кувыркаться. Кто-то думает, что так они спасались от хищников. Кто-то — что это генетическая мутация. А кто-то считает, что птицам это просто нравится.

Мне по душе последнее.

Я уже собираюсь посмотреть, как голубь кувыркается в замедленной съёмке, но на подъездной дорожке раздаётся шум маминой машины. Желудок отзывается немедленным урчанием.

Ничего не могу поделать: я весь день ничего не ел, кроме чипсов.

Я закрываю ноутбук и вдруг вспоминаю, что не сказал Эйдану ни о Саттон, ни о голубях.

Странно.

Глава шестая

— Дружище! — Папа стучит в дверь так, что она едва не слетает с петель. — Шесть часов!

Я со стоном прячу голову под подушкой.

— Ты встал? Ноги уже на полу?

— Да! — отвечаю я.

За дверью тишина.

— Врёшь! — задорно кричит папа, и стук начинается снова. Он становится всё громче и громче, пока у меня не кончается терпение.

Это нечестный ход. Так же действует полиция, когда освобождает заложников.

Я швыряю подушку в стену, спрыгиваю с постели и рывком открываю дверь.

В жизни это выглядит не так эффектно, поскольку дверь стучается о неразобранную коробку с хламом и попросту останавливается на полпути.

— Доволен? — спрашиваю я.

Папа стоит в проходе со своим кофейным термосом и ухмыляется.

— Сам же попросил будить тебя пораньше, чтобы тренироваться, — напоминает он.

Я тру глаза, прогоняя сон.

— Между прочим, бегать, едва проснувшись, непродуктивно. Температура тела низкая, лёгкие не разработаны, энергии мало...

Но папа не слушает.

— Вот и молодец! — Он ободряюще хлопает меня по плечу и бежит собираться.

Я смотрю ему вслед, потирая руку.

Спустя десять минут папин «Субару» со скрипом отъезжает от дома, а я стою во дворе, пытаюсь растянуть квадрицепсы.

Когда папа заезжает за угол, я неохотно стартую. Утреннее солнце уже припекает плечи, и этикетка на футболке щекочет мне шею.

Я спотыкаюсь об одинокий камушек, и он пулей отлетает на обочину.

— С пятки на носок, — повторяю я себе, пытаюсь сосредоточиться на том, как моя нога приземляется на землю. Думать о беге во время бега — та ещё задачка.

Спустившись с холма, я бегу мимо дома Саттон и вдруг замедляю темп.

Совсем чуть-чуть.

Затем ещё немного.

И ещё.

Тут я наконец останавливаюсь совсем. Опускаюсь на одно колено, чтобы проверить шнурки. Бежать с развязанными шнурками травмоопасно.

Я в этом почти уверен.

Пока я перешнуровываю кроссовки, у меня зреет план. Я посмотрю вверх, всего один разок. Если Саттон уже выпустила голубей, это знак. А если нет... Что ж, видимо, это тоже знак.

Я задираю голову.

Не считая пары облачков, в небе пусто.

Я невольно чувствую разочарование. Но едва собираюсь сделать шаг, как вдалеке хлопает дверь. Между деревьями мелькает яркое рыжее пятно.

Волосы Саттон.

С чувством, что я незаконно вторгаюсь в чужие владения (а именно это я и делаю), я вприпрыжку бегу по соседской подъездной дорожке. У самого края опушки меняю курс и двигаюсь в сторону поля. Я как раз успеваю добежать до лужайки, чтобы увидеть, как Саттон возится с маленькой дверцей сбоку сарая. Она распахивает её, и внутри обнаруживается отверстие примерно в пятнадцать сантиметров в ширину. Отверстие зарешёчено тонкими железными прутьями, будто крошечная тюремная камера.

Саттон отходит в сторону.

Голуби бросаются вперед, налегая головами на решетку, и она мгновенно распахивается. Птицы вырываются наружу в хаосе из чёрных и белых крыльев. Саттон наблюдает за ними, закинув голову. На ней поношенная бейсболка. Она великовата, но я понимаю, почему Саттон её надела. Свет уже очень яркий. Я запрокидываю голову и щурюсь на утреннем солнце.

Постою тут минутку — и вернусь к пробежке.

Голуби парят в небе, описывая вокруг друг друга всё более широкие круги. А я между тем прячусь за деревьями, как какой-нибудь отшельник. «Антропофобия, — думаю я, — боязнь людей».

Теперь птицы держатся ближе друг к другу, летая туда-сюда всей стаей. И всё же никто из них не играет... пока что. Может, они играют не каждый раз. Может, сегодня они только полетают кругами.

Но уже секунду спустя один из голубей опрокидывается на спину и камнем падает вниз. Остальные следуют его примеру.

Ну, большинство.

Оказывается, не все голуби могут кувыркаться одновременно. Есть и отстающие, которые носятся вокруг и словно ждут, когда остальные к ним присоединятся. А может, они надеются, что их просто не заметят.

Отличная тактика. Сам так делал на физкультуре.

Я тарашусь на небо, хотя глаза слезятся от солнца. Голубиные кувырки для меня уже не в новинку, но каждый раз при виде этого зрелища по мне пробегает дрожь. Наверно, так себя чувствуют фанаты какого-нибудь спорта, когда кто-то забивает гол.

— Я думала, что только я, как дура, встаю летом в такую рань.

При звуке её голоса я виновато отвожу взгляд от птиц. Саттон приветственно машет мне рукой.

Класс. Отлично спрятался, ничего не скажешь.

Чуть волоча ноги, я пробираюсь к сараю.

— Извини, — бормочу я, чувствуя себя идиотом. — Я не собирался шпионить.

— Дай угадаю. — Саттон смотрит на мои ноги. — Ты снова бегал?

Я опускаю взгляд на свои шорты. Они чёрные, длинной аж до колен и поблёскивают. И при каждом моём движении странно шуршат.

— Ну да. Осенью будет марафон по кроссу, хочу попробоваться в команду.

Когда птицы сваливаются в очередное сальто, Саттон смотрит мимо меня, быстро щёлкая своим маленьким счётчиком.

— Любишь бегать? — рассеянно спрашивает она.

Я пинаю комок грязи носком кроссовка.

— Да, наверно. То есть пока не знаю. Я бегаю всего восемь недель.

У Саттон удивлённый вид.

— Ты бегаешь восемь недель и до сих пор не знаешь, нравится тебе или нет?

— Потом понравится, — не сдаюсь я. — Мне просто надо поработать над выносливостью.

А ещё придумать, как сделать сам процесс бега менее... ужасным. Может, стоит начать слушать аудиокниги. Я мысленно делаю пометку заглянуть в библиотеку.

— Мой папа долго тренировал команду по кроссу, — говорю я. — Он считает, что ключ к бегу в самом беге.

Саттон вдруг усмехается, но по-доброму.

— А мой папа считает, что ключ к тренировке голубей в удаче. Слушай, хочешь «Орео»? — неожиданно спрашивает она. — У меня в сарае есть запас.

Я сомневаюсь. Надо бы отказаться. И вернуться к пробежке, пока мышцы не остыли, не отвалились или что там с ними бывает.

— Конечно, — слышу я себя будто со стороны. — Спасибо.

— Не вопрос. — Саттон указывает на ветхий раскладной стул.

Она исчезает в сарае, и я плюхаюсь на синее-белое полосатое сиденье.

В конце концов, побегать я могу и потом.